

Русский курьер. - 2004. - Август. - с. 6

«Его жизнь состояла не только из отношений с товарищем Сталиным»

Юрий КОВАЛЕНКО, Париж

— Ирина Антоновна, насколько я понимаю, уже началась подготовка к 100-летию со дня рождения Дмитрия Дмитриевича Шостаковича, которое будет отмечаться в 2006 году...

— Мне бы хотелось, чтобы в Москву и Петербург приехали в течение года пять очень известных дирижеров с программой произведений Дмитрия Дмитриевича. Главное достижение — это согласие Мстислава Леопольдовича Ростроповича открыть фестиваль. Он давно не играл в России.

— Как отметят юбилей театры?

— Все хотят ставить все. У Валерия Гергиева на сцене Мариинского идут «Нос», «Катерина Измайлова». В Большом в феврале покажут премьеры балета «Болт» и в первой редакции оперы «Леди Макбет Мценского уезда», которую поставят Темур Чхеидзе, Юрий Гегешидзе и немецкий дирижер Золтан Пешко. Премьера состоится в ноябре. В «Геликон-опере» речь идет о незавершенной оперетте «Большая молния».

— Как сам Шостакович относился к своим юбилеям?

— Да никак. Мучился.

— Он отдавал себе отчет в собственной гениальности?

— Его это мало волновало. От известности были одни неприятности. Дмитрий Дмитриевич плохо переносил публичное внимание.

— Чем вы объясняете то, что Шостакович — самый исполняемый в мире композитор второй половины прошлого столетия?

— Интерес за границей к личности Дмитрия Дмитриевича меня удивляет. Не проходит и года, чтобы о нем не поставили фильм, не написали какую-нибудь пьесу или даже оперу. При том, что они там, конечно, слабо все представляют. Кроме того, слишком все политизировано. На самом деле жизнь состояла не только из отношений с Политбюро и с товарищем Сталиным.

— Но Запад не сразу принял его музыку. Одна американская газета по поводу «Леди Макбет» писала, что Шостакович — главный создатель порнографической музыки в истории оперы...

— Что касается эротизма в музыке, то критики должны были знать, что «Леди Макбет» написана в то же время, что и оперы «Лулу» Берга, «Чудесный мандарин» Бартока. Такой была атмосфера того времени. Шостакович сделал вторую редакцию, которую ценит гораздо выше. Но поскольку в первой есть постельная сцена, считают, что это гарантирует ей большой успех.

В преддверии юбилея Шостаковича вдова композитора вспоминает о своей жизни с гением

— Шостакович, кажется, выше всех ставил Баха?

— Нет, он говорил: «Я люблю всю хорошую музыку — от Баха до Оффенбаха». Но у него были свои привязанности среди современников. Он очень любил Бриттена, позднего Стравинского, ценил музыку Мечислава Вайнберга — своего друга и современника, Витольда Литославского. Интересовался современной музыкой и старался быть в курсе всего, несмотря на «железный занавес».

— Часто ли он сочинял вещи для конкретных исполнителей?

— Ему повезло, потому что тогда в России была плеяда замечательных исполнителей мирового класса: Ойстрах, Мравинский, Ростропович... Сегодня остался один Ростропович. Поэтому я придаю такое значение его участию в юбилее.

— Часто ли творческие отношения с исполнителями перерастали в дружбу?

— Близких, душевных друзей у Дмитрия Дмитриевича было мало. Они главным образом появились смолоту. Так и у всех, наверное.

— Кажется, Тухачевский был близким ему человеком...

— Они симпатизировали друг другу. Дмитрий Дмитриевич бывал у Тухачевского, человека очень музыкального.

— Близка ли к завершению летопись его жизни «День за днем»?

— Думаю, что нет. Петербургская часть более исследована, но она не такая обширная, а московская часть будет пополняться еще долго. Это не то, что сейчас печатается в большом количестве, — воспоминания людей, которые близ-

ко не стояли, но что-то от кого-то слышали и на этом строят свои концепции. Во всех монографиях очень много ошибок. Ну а летопись жизни даст более точное представление о том, когда и что происходило.

— Был ли Шостакович человеком верующим?

— Он никогда не ходил в церковь, не соблюдал никаких церковных обрядов. Может быть, как всякий талант он со-знавал, что ему кто-то дал такой дар. И он должен его реализовать, отработать.

— Освещена ли объективно тема «Шостакович и Сталин»?

— Был эпизод, когда Сталин звонил ему по телефону, потому что Шостакович отказывался ехать в Америку. А к Дмитрию Дмитриевичу после 1948 года, чтобы он «исправился» и отошел от формализма, представили преподавателя диамата из консерватории по фамилии Трошин. Тот приходил, и они изучали краткий курс, который Дмитрий Дмитриевич должен был конспектировать. На самом деле конспектировали его друзья, а он переписывал. И Сталин звонил при Трошине, который был этим потрясен. Дмитрий Дмитриевич превратил эту историю в анекдот, который рассказывал, немножко варьируя. Трошин встал навтыжку и говорит: «Вы понимаете, кто вам звонил?» — «Понимаю». — «Вы знаете, кто вы, а кто он?» — «Я понимаю, я червяк». — «Именно червяк», — сказал Трошин.

Вот Соломон Волков сейчас выпустил очередную книгу, где пишет, что Шостакович боролся со Сталиным. Но как с ним можно было бороться?! — Шостаковича втянули в

партию вопреки его воле. Говорят, он даже плакал, когда ему вручили партбилет.

— Кто это видел, что он плакал? Действительно, его вынуждали вступить в партию, занимался этим Поликарпов. Есть люди, которым нужна партия, а есть — которые нужны партии. Дмитрий Дмитриевич был среди последних. А выворачивать руки умели очень хорошо.

Надо сказать, что, когда критиковали Дмитрия Дмитриевича, очень немногие музыканты делали это с вдохновением и с большой охотой. В музыкальной среде его очень любили, уважали и не хотели произносить какие-то пакости в его адрес.

— А были ли те, кто вставал на его защиту?

— Были — и наживали неприятности. В Ленинграде, когда посадили Тухачевского, Дмитрия Дмитриевича на собраниях композиторов лишили политического доверия, что было предвещением ареста. Его пытались защитить Мравинский, Соллертинский, Баланчивадзе... Но их поставили на место.

— Дмитрий Дмитриевич был трагической личностью?

— Я думаю, что да. В ряду таких наших великих современников, как, например, Ахматова. Они были знакомы, и Дмитрий Дмитриевич с большим пиететом к ней относился. Ахматова любила его музыку и бывала на всех его премьерах. Он же очень близко принимал к сердцу то, что с ней проделывали.

— Что-то связывало Шостаковича с Солженицыным?

— Дмитрий Дмитриевич сразу обратил внимание на «Один день Ивана Денисовича»

и, по-моему, написал Александру Исаевичу в Рязань. И всех музыкантов, которые ездили туда выступать, — Кондрашина, Ростроповича, — он просил пригласить на концерт Солженицына. Они приглашали. Потом Солженицын бывал у нас дома, когда приезжал в Москву. Есть письмо Солженицына по поводу 14-й симфонии — она сочинена на тексты стихотворений Лорки, Аполлинера, Рильке, объединенных темой смерти, о которой он отозвался неодобрительно. То, что написал Аполлинер о парижской тюрьме «Санте», — цветочки по сравнению с теми ягодами, которые он испытал на себе.

— Шостакович помогал людям, далеким от музыки?

— Конечно. Он был депутатом с довоенных времен и до конца жизни. Это большая сторона его жизни, которая остается в тени. И хотя депутаты мало что значили, но работа эта отнимала очень много времени, нервов и сил. Одно время он был депутатом от Горьковской области, а там ведь было много лагерей. Приходили письма из тюрем, где устраивали голодовки. Он вел там приемы, и люди, больные, увечные, записывались в очередь с шести утра — плакали, рыдали, молили, на колени становились... Для него это было всегда тяжелое потрясение. Он часто обращался к Вышинскому, который был его репетитором по математике когда-то в детском возрасте. Но ни разу Вышинский ничего не сделал. В ответ приходили письма, что такой-то осужден правильно.

— Вы никогда не интересовались его делом в КГБ?

— Собираюсь. Знаете, я интересовалась делом моего отца. Это чтение очень тяжелое.

— Есть ли еще неизвестный Шостакович?

— Законченных произведений нет. Когда идет описание рукописей, находят какие-то эскизы, наброски, отрывки.

— Сын Дмитрия Дмитриевича Максим сказал: «Ирина Антоновна прожила с отцом весьма нелегкую жизнь: была его шофером, сиделкой, секретарем. А в конце жизни стала поводырем...»

— Мне не нравится, что сейчас рассказывают о нашей жизни. Вот и Максим тоже... Что значит — сиделка, поводырь? Если люди живут вместе и одному плохо, естественно, что другой как-то его поддерживает, помогает. Это совершенно нормально.

— Женой Шостаковича, наверное, быть не просто?

— Когда люди друг друга любят, все легко. Независимо от того, гений или не гений.

Вдова Шостаковича Ирина Антоновна
в 100-летие юбилея
с дном (судя по тексту)

9.08.04